

СОМЕРСЕТ

МОЭМ

МАГ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Сомерсет Моэм

Маг

«АСТ»

1908

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Моэм С.

Маг / С. Моэм — «АСТ», 1908 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-107688-7

Самый необычный и таинственный роман Сомерсета Моэма, который и сейчас вызывает огромный интерес у читателей... Эксцентричный английский джентльмен по имени Оливер Хаддо решает посвятить свою жизнь «изучению магического искусства» и воспринимает свои «окультурные» способности всерьез, без тени иронии. В поздневикторианской Англии это выглядит как минимум нелепо. Однако, когда Оливер влюбляется в Маргарет, невесту молодого хирурга Артура Бардона, свято верящего в прогресс и науку, забавная история становится страшной. Ведь чтобы разлучить влюбленных и завоевать сердце Маргарет, Хаддо собирается призвать на помощь Темные Силы...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107688-7

© Моэм С., 1908

© АСТ, 1908

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сомерсет Моэм Маг

W. Somerset Maugham
The Magician

© The Royal Literary Fund

© Перевод Н. Кролик, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1

Артур Бардон и доктор Поро шагали молча. Пообедав в ресторане на бульваре Сен-Мишель, они прогуливались теперь по Люксембургскому саду. Доктор Поро, заложив руки за спину и слегка горбясь, приглядывался к саду, пытаясь увидеть его глазами многочисленных художников, которые стремились выразить свое видение прекрасного, изображая этот красивейший уголок Парижа. Газоны и аллеи были уже кое-где усыпаны опавшей листвой, но и ее шуршащие вороха не могли прогнать ощущения рукотворности пейзажа. Деревья, окруженные подстриженными кустами и аккуратными цветочными клумбами, стояли ровными рядами, будто не смея нарушить кем-то раз и навсегда заведенный порядок. Осень. Некоторые деревья совсем голые. И цветы на клумбах завяли. Этот английский парк походил на немолодую и усталую женщину легкого поведения, делающую жалкие, отчаянные попытки с помощью поношенных туалетов, макияжа и наигранного оживления вернуть себе былое очарование.

Поро плотнее запахнул свой тяжелый плащ, с которым не расставался даже летом. Большая часть его жизни прошла в Египте, где он занимался медициной, и нежаркое европейское солнце не согревало его. Память на мгновение вернула Поро на красочные улицы Александрии, а затем, как перелетная птица, перенесла в зеленые леса и на омытые штормами берега родной Бретани. В карих глазах доктора появилось меланхолическое выражение.

– Посидим немного, – предложил он.

Бардон и Поро взяли два плетеных кресла и расположились возле фонтана Купидона, который еще больше подчеркивал очаровательную искусственность сада. Солнце освещало кроны деревьев, окружавших фонтан, и их осенние листья отливали золотом. Слева высились причудливые башни Сен-Сюльпис, справа – неровные крыши домов на бульваре Сен-Мишель.

Поглядывая на нарядных детей, которые гоняли обручи или скакали верхом на палочках, доктор Поро улыбался, и эта нежная улыбка преображала его худощавое, прокаленное тропическим солнцем лицо. В его глазах светился мягкий юмор. По-английски доктор говорил свободно, но с легким французским акцентом и с той тщательностью, которая позволяла предполагать, что язык пришел к нему из произведений классиков туманного Альбиона, а не из живой разговорной речи.

– Как поживает мисс Донси? – спросил он, поворачиваясь к своему другу.

Артур Бардон улыбнулся:

– Надеюсь, здорова. Сегодня мы еще не виделись, но я собираюсь к ней в студию на чашку чаю. Мы хотели бы пригласить вас поужинать с нами в «Шьен нуар».

– С удовольствием. Но разве вам скучно вдвоем?

– О нет. Вчера она встретила меня на вокзале. Мы вместе обедали и проболтали без остановки с половины седьмого до полуночи.

– Скорее, говорила она, а вы внимали с восхищением счастливого влюбленного?

Бардон только что появился в Париже. Он работал хирургом в александрийской клинике Святого Луки и приехал сюда для изучения методов своих французских коллег. Но истинной причиной его приезда была, несомненно, Маргарет Донси. Доктор Поро знал Артура с раннего детства и не присутствовал при его рождении лишь потому, что в это время неожиданно уехал в Каир. Близкий друг его отца, занимавшегося торговлей в странах Леванта, Поро с удовольствием следил за тем, как, избрав по его совету профессию врача, Артур уже превзошел в мастерстве своего старшего друга; с удовлетворением видел, с какой гордостью следовал молодой хирург своему призванию, как он благодаря целеустремленности и таланту превратился в первоклассного специалиста.

Поро всегда считал, что разнообразие интересов придает мужчине дополнительную привлекательность, хотя и мешает его карьере. Чтобы превзойти коллег, нужно целиком посвятить

себя выбранному делу. Поэтому доктор не сожалел о том, что у Артура не слишком широкий круг интересов. Литература и искусство мало что для него значили. Не был он также мастером рассказывать банальные анекдоты – качество, которое высоко ценится в гостиных. Обычно он молча слушал и лишь изредка вступал в общий разговор. А вот работал очень много: оперировал, делал вскрытия, читал лекции, старался знакомиться со всей литературой по своей специальности не только на английском, но и на французском, и на немецком языках. Но в то же время был страстным и отличным игроком в гольф, и когда выдавался свободный часок, проводил его в гольф-клубе.

За операционным столом Артур преображался. Это был уже не замкнутый, малоконтактный бука, а человек, взявший за правило не говорить о том, в чем не разбирается, и не выражать восхищения тем, что ему не нравится. Здесь он испытывал непередаваемое чувство счастья и сознания своей силы. Никакая неожиданность не могла загнать его в тупик. Срабатывал как бы инстинкт хирурга, руки и мозг действовали почти автоматически. Никогда не колебался, никогда не боялся неудачи. Мужество снискало ему успех, и было ясно, что его репутация среди пациентов скоро станет столь же высокой, как и авторитет у коллег.

– Я всегда дивился странностям человеческой натуры, – сказал доктор Поро. – На мой взгляд, просто необъяснимо, как человек вашего склада ума смог столь сильно полюбить девушку, подобную Маргарет Донси.

Артур не ответил, и Поро, испугавшись, что его слова могли обидеть собеседника, поспешил объяснить:

– Не сердитесь. Вы не хуже меня знаете, что я считаю мисс Донси очаровательной молодой леди. Хороша собой, обаятельна, добра. Но право же, ваши характеры диаметрально противоположны, хотя оба вы родились на Востоке и детство ваше протекало среди ландшафтов из «Тысячи и одной ночи». Но боюсь, вы самый рациональный субъект среди тех, кого я когда-либо встречал.

– Не вижу в ваших словах ничего обидного, – улыбнулся Артур. – Согласен: у меня нет ни воображения, ни чувства юмора. Я обыкновенный практичный человек и ясно вижу все лишь в пределах длины собственного носа. К счастью, он у меня довольно большой.

– Но у мисс Донси нет той узости интересов, которая, если вы позволите мне так выразиться, составляет, возможно, секрет вашей силы. Она с таким восхитительным энтузиазмом относится ко всем видам искусства! Красота необходима ей, как хлеб для более приземленных существ. Она так страстно интересуется всем на свете!

– Вполне естественно, что Маргарет любит прекрасное. Ведь она сама – воплощение прекрасного.

Артур не был склонен анализировать свои чувства; он знал, что полюбил Маргарет прежде всего за физическое совершенство, столь поразительно контрастировавшее с бесчисленными проявлениями уродств, борьбе с которыми он посвятил свою жизнь. Но все-таки с его губ невольно сорвалось:

– Когда я увидел ее впервые, мне показалось, что новый мир открылся моей душе.

Божественная музыка стихов Китса, прозвучавшая в словах Артура, придавала в глазах француза чувству Бардона тот романтический оттенок, который предвосхищал возможную трагедию. Однако Поро захотелось рассеять облачко, омрачившее эту пока вполне благополучную любовную историю.

– Вам очень повезло, мой друг. Маргарет восхищается вами так же, как и вы ею. И не устает слушать мои прозаические повествования о вашем детстве в Александрии. Убежден, что она будет вам прекрасной женой.

– Я тоже уверен в этом, – рассмеялся Артур.

Он считал себя счастливым. Любил Маргарет всем сердцем и не сомневался в ее любви к себе. Ничто, казалось, не могло нарушить планы, которые они строили вместе. Любовь при-

давала особый смысл его работе, а работа, в свою очередь, делала чувство к Маргарет еще более чарующим.

– Мы собираемся назначить день свадьбы, – сказал он. – Я уже заказываю мебель.

– По-моему, в нашей быстротекущей жизни только англичане могут так странно вести себя и без особых причин откладывать свадьбу на целых два года.

– Видите ли, Маргарет было всего десять лет, когда я впервые ее встретил, и только семнадцать, когда я попросил ее руки. Она считала себя во многом обязанной мне и сразу согласилась. Но я ведь знал, что она мечтала года на два поехать в Париж, и считал себя не в праве связывать ее, пока она хотя бы немного не повидала свет. Кроме того, Маргарет тогда еще не созрела для замужества.

– Разве я был не прав, утверждая, что вы очень рассудительный молодой человек? – улыбнулся доктор Поро.

– Мы не сомневались в своих чувствах, любили друг друга, впереди у нас было много времени. Мы могли подождать.

В этот момент мимо них прошествовал высокий полный мужчина в ярком клетчатом пиджаке. Он с важностью приподнял шляпу и поклонился доктору Поро. В ответ доктор улыбнулся и помахал ему рукой.

– Кто этот увалень? – спросил Артур.

– Ваш соотечественник. Его имя Оливер Хаддо.

– Богема? – спросил Артур с ноткой презрения, которая всегда появлялась, когда он говорил о людях, занимавшихся не таким практическим делом, как он сам.

– Не совсем. Мы познакомились недавно и совершенно случайно, когда я собирал материал для книги о средневековых алхимиках и много работал в библиотеке Арсенала, которая, как вы, может быть, слышали, хранит обширную литературу по оккультизму.

На лице Артура отразилось пренебрежительное выражение. Он не понимал, зачем доктор Поро посвящал свой досуг столь бессмысленным занятиям. Книгу его о знаменитых алхимиках, которая была недавно опубликована, он прочел и, хотя отдавал должное глубоким познаниям доктора, не прощал ему пустой траты времени, которое можно было бы использовать на более важные дела.

– Не так уж много читателей работают в этой библиотеке, – продолжал доктор, – и я скоро узнал всех ее постоянных посетителей. Этого же джентльмена я встречал там ежедневно. Когда я приходил туда рано утром, он уже сидел, погруженный в непонятные старинные фолианты, и все еще листал их, когда я уходил в полном изнеможении. Случалось, что те книги, которые интересовали меня, были на руках у него, и я понял, что он интересуется тем же, чем и я. Внешне он выглядел необычно, в нем было даже что-то неприятное, поэтому я не заговаривал с ним, хотя и мог бы это сделать. Как-то мне понадобилась одна информация, но разыскать ее не удавалось. Отсутствовали какие-либо источники. Библиотекарь не мог мне помочь, и я прекратил поиски. И вдруг этот человек принес нужную книгу. Наверное, услышал от библиотекаря о моих затруднениях. Я был очень благодарен незнакомцу. Мы в тот день вместе вышли из библиотеки, и темой нашей беседы послужили общие интересы. Я был поражен его знаниями – он рассказывал о вещах, о которых я прежде и не слыхивал. Передо мной у него было то преимущество, что он владел не только арабским, но и древнееврейским, и посему мог изучать каббалистику в оригиналах.

– Не сомневаюсь, что она очень пригодилась ему, – иронически скривил губы Артур. – Кто он по профессии?

Доктор Поро обезоруживающе улыбнулся:

– Милый друг, я просто боюсь сказать вам это. Меня бросает в дрожь при мысли о вашем полном презрении к такому роду деятельности.

– Так кто же он?

– Видите ли, Париж полон странных личностей. Это город, где можно встретить самых эксцентричных особ. Пусть в наш разумный век это звучит невероятно, но мой знакомец Оливер Хаддо утверждает, что он маг. И думаю, утверждает вполне серьезно.

– Глупый осел! – не сдержался Артур.

Глава 2

Квартиру неподалеку от бульвара Монпарнас, куда Артур был приглашен на чашку чая, Маргарет делила с Сюзи Бойд. Молодые женщины ждали его в своей студии. На плитке закипал чайник, на столе для моделей стояли чашки и тарелка с печеньем. Сюзи с нетерпением ждала этой встречи. Она многое слышала об Артуре и знала, что его отношения с Маргарет были не лишены романтичности. Немало лет мисс Бойд вела монотонное существование школьной учительницы и уже примирилась с тем, что не расстанется со скукой до конца дней своих. Но тут наследство, полученное после смерти дальней родственницы, позволило ей начать новую жизнь, отвечавшую ее мечтам. Когда Маргарет, ее ученица, вскоре после этого события объявила ей о своем решении поехать на несколько лет в Париж изучать живопись, Сюзи охотно согласилась сопровождать ее. С тех пор она прилежно занималась в Академии Коларосси, не потому что питала иллюзии, будто у нее тоже есть талант, а просто для развлечения. После многолетнего тяжелого труда она отдыхала, не относясь ни к чему серьезно, и находила безграничное удовлетворение, наблюдая окружающий мир.

Она очень любила Маргарет и, хотя не была восторженной натурой, могла понять и разделить восхищение, которое проявляла юная компаньонка ко всему прекрасному и утонченному. Сюзи была простым человеком, у нее отсутствовало чувство зависти, и она искренне радовалась успехам своей бывшей ученицы. Почти с материнской любовью наблюдала она, как с каждым годом росло очарование Маргарет. Одновременно с присущим ей здравым смыслом Сюзи добродушно подшучивала над комплиментами, которые расточали Маргарет экстравагантные поклонники в классе живописи. Она гордилась тем, что передаст Артуру Бардону девушку, чей характер помогла сформировать и чью красоту заботливо пестовала.

Отчасти из отрывков писем, которые читала ей Маргарет, отчасти от самой воспитанницы Сюзи знала, как нежно Артур любит свою невесту. Ей было приятно видеть, что и Маргарет, в свою очередь, любила его благодарно и преданно. История их отношений затронула воображение мисс Бойд.

Маргарет была дочерью работавшего в Египте провинциального адвоката, у которого Артур частенько останавливался. Когда через много лет после смерти своей жены умер отец Маргарет, в завещании он назначил Артура опекуном дочери и просил его позаботиться о ней. Бардон отдал девочку в привилегированную школу, старался исполнять все ее желания, и когда семнадцатилетняя Маргарет поделилась с ним своей мечтой – поехать в Париж учиться живописи, он тотчас же согласился помочь ей воплотить эту мечту в жизнь. И хотя Артур никогда не навязывал ей своей воли, он настоял, чтобы Маргарет поехала не одна. Поэтому девушка и предложила Сюзи составить ей компанию. Во время подготовки к отъезду Маргарет случайно узнала, что к концу жизни отец разорился и после его смерти она жила за счет Артура. Со слезами на глазах пришла она к своему опекуну и поведала о том, что стало ей известно. Артур так смутился, что на него было просто смешно смотреть.

– Почему вы это сделали? – спросила девушка. – Почему ничего не сказали мне?

– Считал, что с моей стороны было бы нечестно требовать от тебя каких-либо обязательств, хотел, чтобы ты чувствовала себя свободной.

Маргарет разрыдалась.

– Перестань плакать, глупенькая, – улыбнулся он. – Ты абсолютно ничего мне не должна. Я сделал для тебя очень мало, и то, что делал, доставляло мне большое удовольствие.

– Не знаю, смогу ли я хоть когда-нибудь отплатить вам.

– Не говори этого! – вскричал молодой опекун. – Так мне будет куда труднее сказать тебе о том, о чем я хотел бы сказать.

Она бросила на него взгляд и покраснела. Ее синие глаза вновь заволокло слезами.

– Разве вы не знаете, что я готова для вас на все на свете? – прошептала она, сдерживая рыдания.

– Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя чем-то мне обязанной, потому что надеюсь... надеюсь, что когда-нибудь смогу просить твоей руки.

Слезы мгновенно просохли. Маргарет протянула Артуру руки.

– Я ждала этих слов с тех пор, как мне исполнилось десять лет.

Она готова была отказаться от поездки в Париж и немедленно обвенчаться, но Артур настоял на том, чтобы планы не менялись.

– Поженимся через два года. Мы знаем друг друга слишком долго, чтобы могли ошибиться. Я уверен, что наши жизни связаны неразсторжимо.

Маргарет очень хотелось побывать в Париже, и Артур подтвердил, что будет ждать, пока ей не исполнится девятнадцать лет. Она посоветовалась с Сюзи. И та со свойственным ей здравым смыслом убедила девушку не придавать слишком большого значения романтическим представлениям о ложной деликатности и не отказываться от помощи Артура.

– Дорогая моя, ведь ты бы не моргнув глазом взяла у него деньги, если бы вы обвенчались? А так как нет сомнения, что это обязательно случится, я не вижу причин, почему бы не взять их теперь. Кроме того, пока тебе не на что жить, а для роли гувернантки или машинистки ты совершенно не приспособлена. Так что у тебя нет выбора, и лучше спрятать свою гордыню поглубже.

Мисс Бойд еще ни разу не встречалась с Артуром, но слышала о нем так много, что относилась к нему как к старому другу. Восхищалась его талантом и сильным характером в не меньшей степени, чем нежной привязанностью к Маргарет. Не раз видела его фотографии, но Маргарет утверждала, что он не фотогеничен. Сюзи спросила как-то: считает ли девушка его красивым?

– Нет, не думаю, что он красив, – ответила Маргарет, – но мог бы служить отличной моделью.

– Ответ, который хорошо звучит, но ничего не означает, – улыбнулась Сюзи.

Ей было слегка за тридцать. Нелегкая жизнь наложила на нее свой отпечаток, и выглядела она старше своих лет. Невзрачная, даже некрасивая. Большой рот, маленькие поблескивающие глазки и длинноватый тонкий нос. Лицо бледное, густо усыпанное веснушками. Но оно излучало такую доброту, а живость характера была столь привлекательна, что через десять минут после знакомства с ней никто и не думал о недостатках ее наружности. Скоро все замечали, что ее волосы, хотя и тронутые сединой, очень красивы, а фигура на редкость стройна и изящна. Руки нежные, белые, с тонкими пальцами. Она любила жестикулировать, увлекшись беседой. Теперь, когда она могла позволить себе приобретать все, что ей вздумается, мисс Бойд уделяла много внимания своим туалетам и всегда была отлично одета. С присущим ей вкусом и чувством меры она умела подать себя с лучшей стороны. Под ее влиянием и Маргарет одевалась по последней моде. Сюзи поклялась, что не станет жить вместе с ней, если та не станет следовать ее советам по части туалетов.

– И когда выйдешь замуж, ради Бога, вызывай меня к себе четыре раза в год, чтобы я могла следить за тем, как ты одета. Боюсь, не сумеешь сохранить любви мужа, если будешь доверять только собственному вкусу!

Накануне вечером, когда Маргарет, вернувшись домой после ужина с Артуром, рассказала ей о его комплименте, мисс Бойд была вознаграждена. «Как ты прекрасно одета! – удивился он. – А я-то боялся, что ты встретишь меня в робе художницы».

– Надеюсь, ты не призналась, что по моему настоянию купила этот костюм? – вскричала Сюзи.

– Призналась, – простодушно ответила Маргарет. – Я сказала ему, что у меня совсем нет вкуса и это ты все для меня выбираешь.

– Ну и зря, – нахмурилась Сюзи.

Но сердце ее наполнилось нежностью, поскольку этот простой эпизод еще раз доказал, насколько Маргарет искренна. Сюзи не сомневалась, что мало кто из приятельниц, нередко пользовавшихся ее безукоризненным вкусом, сделал бы подобное признание своему поклоннику, выразившему восхищение их нарядами.

Раздался стук в дверь, и вошел Артур.

– А вот и прекрасный принц, – воскликнула Маргарет, подводя его к своей подруге.

– Рад, что могу наконец поблагодарить вас за все, что вы сделали для Маргарет, – улыбнулся он, пожимая протянутую руку.

Сюзи заметила, что смотрел он дружески, но слегка отсутствующим взглядом, словно был слишком поглощен своей возлюбленной, чтобы замечать кого-то еще, и не могла найти темы для беседы с человеком, настолько занятым своими мыслями. Пока Маргарет заваривала чай, Артур не спускал с нее глаз, выражавших трогательную, ну просто собачью преданность. Казалось, он никогда не видел ничего более удивительного, чем то, с каким изяществом склонялась она над чайником. Маргарет, почувствовав его взгляд, оглянулась. Их глаза встретились, и некоторое время они молча смотрели друг на друга.

– Не будьте идиотами, – с наигранной веселостью воскликнула Сюзи. – Я ужасно хочу чаю!

Влюбленные покраснели и рассмеялись. Артур почувствовал, что обязан оказать какое-то внимание подруге невесты.

– Надеюсь, вы покажете мне свои рисунки, мисс Бойд? Маргарет утверждает, что они очень хороши.

– Не пытайтесь делать вид, что это вас интересует, – отмахнулась Сюзи.

– Она рисует замечательные карикатуры, – сказала Маргарет. – Я принесу тебе портрет, который она наверняка сделает, как только ты уйдешь.

– А ты не иронизируй! – прикрикнула Сюзи.

Конечно, мисс Бойд обратила внимание на то, что Артур мог послужить отличной моделью для шаржа. Маргарет была права, когда утверждала, что хоть он и некрасив, но его лицо должно было заинтересовать такую наблюдательную художницу, как Сюзи. Влюбленные молчали, и беседу пришлось поддерживать ей. Она болтала без умолку, и наконец ей удалось расшевелить Бардона. Артур, кажется, заметил Сюзи: он заливался смехом, слушая ее полные юмора оценки соучеников по классу живописи.

Болтая, Сюзи продолжала внимательно присматриваться к Артуру. Очень высокий, худой. Выступающие на длинном лице скулы, впалые щеки. Но две вещи в его облике особенно поразили ее: неколебимая самоуверенность и необычайная предрасположенность к страданию. Это был человек, твердо знавший, чего он хочет, и не собиравшийся ни перед чем отступить ради исполнения своих замыслов. Эта целеустремленность контрастировала с крайним безволием молодых художников, с которыми она в последнее время общалась. Его живые черные глаза могли выражать непереносимую муку, а подвижные, нервно подергивающиеся губы наводили на мысль о способности к самоубийству.

Чай был готов, и Артур встал было, чтобы взять свою чашку.

– Сиди! – шутливо прикрикнула Маргарет. – Я подам тебе все, что нужно. Я помню, сколько положить сахара. Мне приятно поухаживать за тобой.

С присущей ей грацией она пересекла студию с полной чашкой в одной руке и тарелкой с бисквитами – в другой. Сюзи показалось, что он восторженно благодарит Маргарет за внимание. Глаза засияли нежностью, когда он принял из ее рук чашку и сладости. Маргарет ответила гордой и счастливой улыбкой.

При всей своей доброте Сюзи не могла не почувствовать некоторого укола в сердце. Ведь она тоже могла полюбить. В ее душе скопилась бездна нерастраченной нежности, которая была

никому не нужна. Никто и никогда не шептал ей тех милых глупостей, о которых она читала в книгах. Мисс Бойд сознавала, что некрасива, но раньше обладала по крайней мере очарованием юности. Теперь и оно ушло, а возможность вести светскую жизнь она обрела слишком поздно. Женский инстинкт до сих пор подсказывал ей, что она создана для того, чтобы стать женой порядочного человека и матерью его детей. Она оборвала свою веселую болтовню, опасаясь, что голос выдаст ее мысли. Однако Маргарет и Артур были слишком заняты друг другом, чтобы понять это.

«Какая же я дура!» – подумала Сюзи.

Она давно поняла, что здравомыслие, доброта и сила воли ничего не стоят по сравнению с хорошеньким личиком. И пожала плечами.

– Не знаю, догадываетесь ли вы, молодые люди, что уже поздно? Если мы собираемся ужинать в «Шьен нуар», Артуру пора покинуть нас и дать нам возможность привести себя в порядок.

– Хорошо. – Артур встал. – Я вернусь в отель и приму душ. Встречаемся в половине восьмого.

Маргарет прикрыла за ним дверь и обернулась к подруге.

– Ну как? – спросила она, улыбаясь.

– Не следует ожидать от меня определенного мнения о человеке, которого я видела полчаса.

– Ерунда! – отмахнулась Маргарет.

Сюзи промолчала.

– Я думаю, у него очень хорошее лицо, – наконец сказала она убежденно. – Никогда не видела человека, на лице которого так определенно были бы написаны его намерения.

Сюзи отличалась ленцой, никогда не могла заставить себя заниматься работой по дому, и поэтому, пока Маргарет убирала посуду, принялась рисовать шарж, на который ее всегда вдохновляло каждое впервые встреченное лицо. Изобразила Артура носатым, ужасно долговязым, с крылышками, луком и стрелами Амура, но, еще не закончив рисунка, решила, что замысел не умен, и разорвала набросок на клочки. Когда вошла Маргарет, она обернулась и пристально взглянула на девушку.

– Ну, – улыбаясь ее испытующему взгляду, спросила та, – что ты собираешься сказать?

Мисс Донси стояла в центре студии; к стенам были прислонены незаконченные полотна, тут и там висели репродукции с известных картин. Она инстинктивно приняла изящную позу и, несмотря на молодость, обрела вид дамы, полной достоинства.

– Ты похожа на греческую богиню в моднейшем парижском туалете, – насмешливо улыбнулась Сюзи.

– Так что же ты собираешься мне сказать? – повторила Маргарет, почувствовав по виду подруги, что она чего-то недоговаривает.

– Знаешь, до того, как мы познакомились с твоим Артуром, я всем сердцем надеялась, что он сделает тебя счастливой. Однако, несмотря на все, что ты мне о нем рассказывала, чего-то опасалась, зная, что он намного старше тебя и первый мужчина, которого ты встретила. Я боялась, что ты будешь несчастлива.

– Не думаю, что тебе надо бояться этого.

– Но теперь я всей душой надеюсь, что именно ты сделаешь его счастливым. Теперь мне страшно не за тебя, а за него.

Маргарет не ответила, она не понимала, о чем говорит Сюзи.

– Я никогда не видела человека с такой готовностью страдать, как у Артура. Не думаю, что ты полностью сознаешь, как он способен терзать себя. Будь осторожна и очень добра к нему, потому что ты можешь сделать его самым несчастным человеком на свете.

– Ах, но я хочу, чтобы он был счастлив! – страстно возразила Маргарет. – Ты же знаешь, что я обязана ему всем. И сделаю все, что в моих силах, чтобы он был счастлив, даже если мне придется пожертвовать собой. Но мне незачем приносить себя в жертву, потому что я люблю его и все, что делаю, делаю с наслаждением.

Ее глаза наполнились слезами и голос задрожал. Сюзи со смешком, которым пыталась скрыть волнение, поцеловала ее.

– Дорогая, ради Бога, не плачь. Ты знаешь, я не выношу слез. А если Артур увидит, что у тебя красные глаза, он никогда не простит мне этого.

Глава 3

«Шьен нуар», где обычно обедали Сюзи Бойд и Маргарет, был самым очаровательным ресторанчиком их квартала. В цокольном этаже находился зал, где с аппетитом поглощали пищу многочисленные посетители – компаниями и в одиночку, поскольку кормили там хорошо и дешево. У владельца, отставного торговца лошадьми, взявшего на себя заботу о чужих желудках, чтобы прикопить денег для сына, была добрая душа, его гостеприимство и громкий голос неизменно привлекали клиентов.

Наверху находилась узкая комната с тремя столами, расположенными в виде подковы, зарезервированная для небольшой группы художников: англичан, американцев, французов и их подруг. Вероятно, не все эти женщины были их законными женами, но их манеры отличались такой семейной респектабельностью, что Сюзи, когда она и Маргарет познакомились с ними, сочла, что с ее стороны было бы вульгарным задирать нос. Ни к чему слишком уж заботиться об условностях на бульваре Монпарнас.

Эта комната была полна, когда пришел Артур Бардон, но Маргарет заняла для него местечко между собой и мисс Бойд. Говорили все разом. Шел яростный спор о достоинствах постимпрессионистов. Артур сел и был представлен долговязому белобрысому юноше, сидевшему напротив Маргарет.

– Это доброе милое создание, – шепнула Сюзи. – Зовут его Джэгсан¹. Он человек добродетельный и трудолюбивый. Я не видела его работ, но уверена, он абсолютно лишен таланта.

– Откуда вам это известно, если не видели? – также шепотом спросил Артур.

– О, здесь принято думать, что ни у кого нет таланта, – засмеялась Сюзи. – Мы сочувствуем друг другу, но не питаем иллюзий относительно ценности работ соседа.

– Расскажите немножко обо всех остальных.

– Ладно. Гляньте-ка на того маленького лысого человечка в углу. Это Уоррен.

Артур посмотрел туда, куда указала Сюзи. Небольшого роста, с гладкой, как бильярдный шар, лысиной и бородкой клинышком, Уоррен взирал на мир небольшими, навывкате, масляно поблескивающими глазками.

– Не слишком ли много он выпил? – холодно осведомился Артур.

– Много, – быстро согласилась Сюзи, – но это его перманентное состояние. С каждой рюмкой он становится все обаятельнее. Не поверите, но он почти гениальный художник. У него совершенно необыкновенное чувство цвета, и чем больше он выпьет, тем тоньше и прекрасней его живопись.

Миниатюрная официантка, уставшая от исполнения разнообразных требований клиентов, встала перед Артуром в ожидании заказа. Уже не первой молодости, она в своем черном платье и белой наклке выглядела мило; придавала ей шарм и улыбка, не сходявшая с больших пухлых губ. Она с материнской заботливостью обслуживала этих людей.

– Мне все равно, что есть, – сказал Артур. – Пусть Маргарет закажет мне, что захочет.

– Тогда лучше закажу я, – рассмеялась Сюзи и начала оживленно обсуждать с официанткой достоинства различных блюд, но их беседу прервали громкие крики Уоррена.

– Мари, я бросаюсь к твоим ногам и умоляю принести мне пулярку с рисом.

– Минутку, мсье, – откликнулась официантка. – Не обращайтесь внимания на этого джентльмена.

– Мари, ты больше не любишь меня! – продолжал вопить Уоррен. – А ведь было времечко, когда ты не мерила меня таким холодным взглядом, если я заказывал бутылку белого.

¹ Джэгсан – в переводе: дитя попойки.

Компания поддержала его, и все шутливо принялись умолять Мари не относиться столь жестокосердно к румяному лысому художнику.

– О нет-нет! Я люблю вас, мсье Уоррен, – смеясь отвечала официантка, – но и всех остальных – тоже!

И убежала вниз передать заказ Уоррена, сопровождаемая взрывами смеха.

– На днях «Шьен нуар» оказался свидетелем драмы, – сказала Сюзи. – Мари порвала отношения со своим любовником, официантом из «Лавеню», и не желала мириться. Тот дождался свободного вечера, явился в нижний зал и заказал себе обед. Конечно, ей пришлось обслуживать его, и, когда она приносила очередное блюдо, он молил ее о прощении, и их слезы смешались...

Мари появилась вновь. На ее лице не было и следа недавней драмы. Она приняла заказ мисс Бойд, а Сюзи опять завладела вниманием Артура.

– А теперь взгляните на человека, сидящего рядом с мистером Уорреном.

Артур увидел высокого мужчину с резкими чертами лица, взлохмаченными черными волосами и густыми черными усами.

– Это некий мистер О’Брайн. Он неудачник и сознает это, поэтому душа его истерзана завистью. Никому не прощает успеха и никогда ни в ком не признает таланта, пока человек не умрет и не будет надежно похоронен.

– Приятная, должно быть, личность, ничего не скажешь, – ответил Артур. – А кто вон та полная пожилая леди в экстравагантной шляпке, что сидит возле О’Брайна?

– Это матушка мадам Руж, той маленькой блондинки, что сидит рядом с ней. Она любовница Ружа, делающего все иллюстрации для «Ля Семэн»². Сначала меня шокировало, что старая дама называет его зятем, одновременно афишируя свои отношения с мужем собственной дочери, но теперь это кажется мне вполне естественным.

Мать мадам Руж сохранила остатки былой красоты. Она сидела очень прямо, с большим достоинством держа в руках ножку цыпленка. Артур отвел глаза, так как, встретив его взгляд, она одарила его кокетливой улыбкой. Мсье Руж походил больше на преуспевающего бизнесмена, нежели на художника; он вел с О’Брайном, в совершенстве владевшим французским, спор о достоинствах Сезанна.

– Рядом со мной сидит мадам Мейер, – продолжала шептать Сюзи. – Она служила гувернанткой в Польше, но была слишком красива для такой работы и теперь живет с художником-пейзажистом, что сидит по левую руку от нее.

Артур взглянул на пейзажиста и увидел чисто выбритого, элегантно одетого красивого мужчину с копной седых курчавых волос. Речь и манеры Мейера напоминали романтический стиль 30-х годов прошлого века. Говорил он легко и свободно, но вещал не более чем прописные истины. Жизнерадостная миниатюрная леди, разделявшая с ним судьбу, внимала его речам с восхищением, которое явно льстило художнику.

Мисс Бойд уже описала Артуру всех, кроме молодого Рэглза, известного своими натюрмортами, и Клэйсона, скульптора из Штатов. Едва мисс Бойд начала оживленно перемывать ему косточки, как дверь широко распахнулась и в комнате появился высокий толстый господин. Театральным жестом он сбросил с себя плащ.

– Мари, освободи меня от этого пончо. И повесь мое сомбреро на подходящий крючок.

Говорил он на отвратительном французском, но слова были столь высокопарны, что все рассмеялись.

– Этого я не знаю, – сказала Сюзи.

– Зато я знаю, по крайней мере визуально, – ответил Артур.

² «Ля Семэн» – название иллюстрированного журнала.

Он потянулся к доктору Поро, сидевшему напротив. Доктор преспокойно наслаждался своим ужином и с удовольствием прислушивался к глупостям, доносившимся до него.

– Это, кажется, ваш маг?

– Оливер Хаддо! – воскликнул доктор Поро, слегка удивленный его приходом.

Великан все еще торчал у дверей, и все взоры были устремлены на него. Он напустил на себя важность и несколько минут стоял, не шевелясь.

– У вас такой вид, Хаддо, будто вы позируете для картины, – просипел Уоррен.

– Он не мог бы выглядеть иначе, даже если бы захотел, – рассмеялся Клэйсон.

Оливер Хаддо медленно перевел взгляд на художника:

– Прискорбно видеть, о превосходный Уоррен, что выдержанная влага аперитива помутит ваши ясные очи.

– Вы собираетесь сказать, что я пьян, сэр?

– Говоря кратко, но выразительно, – пьяны.

Художник с нарочитым возмущением опустил в свое кресло, словно сраженный ударом, а Хаддо пристально взглянул на Клэйсона:

– Сколько раз я объяснял вам, о Клэйсон, что явный недостаток образования мешает вам проявить тот блеск остроумия, к которому вы стремитесь.

На мгновение Оливер Хаддо снова принял свою эффектную позу. Сюзи с улыбкой смотрела на него. Он был очень крупного сложения, футов шести роста, но самым примечательным в нем была его необыкновенная тучность. Внушительных размеров живот, большое мясистое лицо. Своей надменностью он напоминал Дель Борро – портрет кисти Веласкеса, и на его лице играла та же презрительная улыбка. Он подошел и поздоровался с доктором Поро.

– Привет, брат чародей! Приветствую в вас если не маэстро магии, то по крайней мере ее адепта, заслужившего мое уважение.

Сюзи сотрясал смех от его велеречия, и он повернулся к ней, сохраняя полную серьезность.

– Ваш смех, мадам, для моих ушей приятнее, чем пение райских птиц в персидском саду.

Доктор Поро поспешил познакомить его с присутствующими. Маг с важностью кивнул, когда ему по очереди представили Сюзи Бойд, Маргарет Донси и Артура Бардона. И протянул руку мрачному ирландскому живописцу:

– Ну, мой О’Брайн, вы, как всегда, смешиваете свой горький пот с терпкой кровью бордо?

– Почему бы вам не заткнуться, не присесть и самому не поужинать? – буркнул тот.

– Ах, мой друг, как мне внушить вам, что грубость не идентична остроумию? Я бы не счел свою жизнь прожитой зря, если бы смог убедить вас, что рапира иронии куда более эффективное оружие, нежели дубина дерзости.

О’Брайн покраснел от гнева, но не мог сразу найти с ответом, и Хаддо обратился к бледному безобидному юноше, сидевшему рядом с Маргарет:

– Обманывают ли меня глаза, или это действительно Джэгсан, чье имя своей бессмысленностью так подходит его обладателю? Хотелось бы узнать, по-прежнему ли посвящаете вы ваши таланты неблагодарному искусству, вместо того чтобы с большей пользой применить их в торговле галантереей?

Несчастный молодой человек, подвергшийся такому унижению, покраснел и ничего не ответил. Тогда Хаддо повернулся к французу Мейеру, куда более достойному его сарказма:

– Извините, что я прервал вашу речь. Были ли это ваши знаменитые разглагольствования о Микеланджело или философский анализ творчества Вагнера?

– Мы как раз собирались уходить, – хмуро проворчал Мейер, поднимаясь из-за стола.

– Глубоко сожалею, что буду лишен россыпей мудрости, постоянно летающей с ваших изысканных уст, – ответил Хаддо, улыбаясь, и занял кресло мадам Мейер. – Я увидел, что зал переполнен, и наполеоновское чутье подсказало мне, что найти местечко я смогу, лишь

высмеив кого-нибудь. Меня следует поздравить с тем, что мои насмешки, которые глупый юнец Рэггз ошибочно принимает за остроумие, избавили нас от общества откровенно развратной личности. Это освободило у стола сразу три кресла, что позволяет мне вкусить свою скромную трапезу, не расталкивая соседей локтями.

Мари положила перед ним меню. Он внимательно изучил его.

– Возьму-ка я ванильное мороженое, о прекрасная Мари, нежное крылышко цыпленка, жареную рыбу и немного превосходного горохового супа.

– Суп, жареная рыба. Один цыпленок и одно мороженое.

– Но почему вы собираетесь подавать их мне в таком порядке, а не в том, который я назвал?

Мари и две француженки, все еще остававшиеся в комнате, принялись возражать, упрекая Хаддо в экстравагантности, но тот отрицательно помахал огромной ладонью.

– И все-таки, о Мари, я начну с мороженого. Оно охладит страсть, воспламеняющую меня, когда я вижу ваши прекрасные глазки. Затем спокойно обглодаю цыплячье крылышко, чтобы нейтрализовать вашу язвительную улыбку, и перейду к свежей рыбе. А дабы достойно завершить продолжительную трапезу, закушу гороховым супом.

Сумев овладеть вниманием присутствующих, он приступил к поглощению блюд именно в том порядке, который назвал. Маргарет и Артур поглядывали на него неприязненно, но Сюзи, которую не возмущали тщеславие и желание этого человека привлекать к себе всеобщее внимание, смотрела с любопытством.

Хаддо был явно не стар, хотя из-за тучности казался старше своих лет. Правильные черты лица, маленькие уши, тонкий нос. Рот большой, губы влажные. И большие белые ровные зубы. Толстая, как у бульдога, шея. Темные выющиеся волосы, зачесанные со лба и с висков, придавали его чисто выбритому лицу неприятную наготу. Лысина на макушке напоминала тонзуру. Хаддо производил впечатление порочного, чувственного монаха.

Маргарет, тайком посматривая на него, пока он ел, вдруг содрогнулась от внезапного отвращения. Он медленно поднял голову и глянул на нее. Она тут же отвернулась, вспыхнув, словно ее застали за непристойным занятием.

Самым поразительным в облике Оливера Хаддо были его глаза. Небольшие, бледно-голубоватые, они смотрели на вас так, что вам становилось не по себе. Вначале Сюзи не могла определить, в чем именно заключалась их необычность, но вскоре поняла: когда человек глядит на тебя, чувствуешь, что взгляд его устремлен именно на твое лицо; Хаддо же, казалось, смотрит сквозь тебя и изучает стену за твоей спиной. Специально ли он это делал, или такова была природа его зрения, отказавшая ему в возможности получать единое изображение на сетчатке, неизвестно. От этого взгляда становилось жутко. Другая особенность Хаддо заключалась в том, что нельзя было понять, шутит он или говорит серьезно. В странном взгляде чувствовалась насмешка, на губах играла саркастическая улыбка, и собеседник не мог сообразить, как ему относиться к язвительным замечаниям Хаддо. Невозможно было сохранить уверенность в том, что, пока вы смеетесь над его выпадами против кого-то, он не обдумывает изощренную остроуту на ваш счет. Это чрезвычайно раздражало.

Присутствие Хаддо вызвало у собравшихся необычную реакцию. Французы встали и покинули зал. Уоррен удалился вслед за О'Брайном, чей грубый сарказм не мог сравниться с изысканным остроумием мага. Рэггз накинул свое пальто на розовой подкладке и вышел вместе с высоким Джэгсаном, который все еще страдал от обиды, нанесенной Хаддо. Американский скульптор молча оплатил счет. Когда он был уже у двери, Хаддо остановил его:

– Это вы лепили львов у Ботанического сада, мой дорогой Клэйсон? А доводилось ли вам когда-нибудь охотиться на них?

– Нет, не доводилось.

– Значит, вам не доводилось наблюдать, как шакал, грызущий убитую львом антилопу, стремглав удирает в страхе, когда царь зверей величественно приближается к своей жертве.

Клэйсон выскочил, хлопнув дверью. Хаддо остался с Маргарет, Артуром Бардоном, доктором Поро и Сюзи. Он победоносно улыбнулся.

– Кстати, сами вы охотились на львов? – с вызовом осведомилась Сюзи.

Оливер устремил на нее свой странный и жуткий взгляд:

– В львиной охоте мне нет равных. Я победил львов больше, чем любой живущий на земле человек. Думаю, что один Жюль Жераль, которого французы в прошлом веке прозвали «убийцей львов», мог бы сравниться со мной, но никого другого я бы рядом не поставил.

После этого заявления, сделанного с величайшим спокойствием, на мгновение воцарилась тишина. Маргарет изумленно уставилась на хвастуна.

– Вы не погибнете от избытка скромности, – хмыкнул Артур.

– Скромность – признак дурного воспитания, от нее меня надежно защищает моя родословная.

Тут уж и Поро посмотрел на него с иронией:

– Хотелось бы, чтобы мистер Хаддо воспользовался случаем и раскрыл нам тайну своего происхождения. Подозреваю, что, подобно бессмертному Калиостро, он родился от неизвестных, но благородных родителей и тайно получил образование во дворцах Востока.

– По своему происхождению я больше похож на Раймонда Луллия³. Мой предок, Джордж Хаддо, прибыл в Шотландию в свите Анны Датской, и, когда принц-консорт Джеймс вззошел на английский престол под именем Иакова I, Джорджу было пожаловано графство в Стаффордшире; оно досталось мне по наследству. Я состою в родстве с самыми благородными семействами Англии – с Мирстонами, Парнаби, Холлингтонами; все они почитали за честь породниться с моим семейством.

– Следует еще проверить, правда ли это, – сухо заметил Артур.

– Проверьте, – бросил Оливер.

– А как насчет восточных дворцов, где вы провели юность, где черные рабы прислуживали вам, а бородатые шейхи делились тайнами магии? – спросил доктор.

– Я учился в Итоне и окончил Оксфорд в 1896 году.

– И в каком колледже вы там жили?

– В пансионе.

– Тогда вы должны были бы встречаться с Фрэнком Харрелом.

– Теперь он работает в больнице Святого Луки. Фрэнк был одним из моих близких друзей.

– Я напишу ему и расспрошу о вас.

– А я жажду узнать, что вы потом делали со львами, которых убивали, – сказала Сюзи Бойд.

Высокомерие этого человека не раздражало ее так, как Маргарет и Артура. Он лишь забавлял ее, и ей очень хотелось заставить его разговариваться.

– Их шкуры украшают полы Скина, моего поместья в Стаффордшире. – Хаддо сделал паузу, чтобы зажечь сигарету. – Я единственный человек, убивший сразу трех львов тремя выстрелами.

– А я было подумал, что вы уничтожили их своим красноречием, – заметил Артур.

Оливер наклонился вперед и положил свои большие ладони на стол.

– Буркхардт, немец, с которым мы в то время вместе охотились, свалился в лихорадке и не мог подняться с постели. Однажды ночью я проснулся от мрачных мыслей и услышал льви-

³ Раймонд Луллий (1236–1315) – каталонский ученый, поэт, философ, принадлежал к ордену францисканцев, путешествовал по Африке и странам Востока, изучал взаимосвязь веры и логики. Впоследствии считался магом.

ный рык неподалеку от нашего лагеря. Взял карабин и вышел наружу. Окрестности освещал лишь слабый лунный свет. Я отправился в одиночку, ибо знал, что туземцы тут не подмога. Вскоре наткнулся на полуобглоданную тушу антилопы и решил подождать возвращения зверей. Спрятался шагах в двадцати от их добычи. Меня окружала тишина необъятных просторов Африки. Я замер и ждал, ждал час за часом, пока почти не рассвело. И вот три льва появились на вершине скалы. Еще накануне я узнал, что это прайд – самец и две самки.

– Можно поинтересоваться, каким образом вы определили их пол? – с недоверием спросил Артур.

– Следы передних лап у льва намного больше, чем задних. У львиц же они примерно одинаковы.

– Пожалуйста, продолжайте, – попросила Сюзи.

– Львы вышли, ничего не опасаясь, в полный рост и в предрассветном тумане казались огромными, как чудовища из арабских сказок. Я прицелился в львицу, находившуюся ко мне ближе других, и нажал курок. Сваленная одной пулей, она без звука упала замертво. Лев взревел. Я быстро перезарядил карабин. И тут же понял, что лев заметил меня: пригнул морду, грива встала дыбом. Задранный хвост подергивался, красные десны обнажились в оскале, показались огромные белые клыки. Глаза налились кровью, он страшно зарычал. Затем, не поднимая головы, сделал несколько прыжков вперед, и его глаза с яростью уставились на меня. Лев вдруг захлестал хвостом, а когда он так делает – значит, готовится напасть. Я быстро прицелился и выстрелил. Огромный самец взвился на задние лапы, громко взревел и, словно раздирая когтями воздух, рухнул замертво. Осталась последняя львица, и сквозь пороховой дым я увидел, как она вскочила и бросилась ко мне. Убежать я не мог – за спиной была высокая гряда валунов, через которую быстро не перелезешь. Львица приближалась, издавая хриплое рычание, и я с решимостью отчаяния вновь выстрелил – и промахнулся. Отпрянул назад, надеясь, что успею перезарядить ружье, но упал. Разъяренный зверь был почти рядом. Львица прыгнула, но не достала меня. Это спасло мне жизнь. И тут она вдруг замерла на месте. Все-таки я попал! Пуля пронзила ее сердце, но она успела по инерции прыгнуть вперед. Когда я поднялся на ноги, она уже умирала. Я вернулся в лагерь и плотно позавтракал.

Рассказ Оливера Хаддо был встречен молчанием. Все были потрясены. Никто не смел утверждать, что это выдумка, но напыщенный тон не придавал рассказу убедительности. Артур готов был биться об заклад, что здесь не было ни слова правды. Никогда прежде не встречал он людей, подобных Хаддо, и не мог понять, какую радость можно находить в искусном сочинении неправдоподобных приключений.

– Вы, очевидно, очень отважны, – протянул он.

– Преследовать раненого льва в чаще леса, вероятно, самое опасное дело в мире, – спокойно ответил Хаддо. – Для этого нужны чрезвычайное хладнокровие и железные нервы.

Ответ произвел на Артура странное впечатление. Он бросил на Хаддо быстрый взгляд, и тут на него напал неудержимый смех. Бардон откинулся назад в своем кресле и принялся хохотать. Его веселость передалась другим, и они тоже рассмеялись. Оливер бесстрастно наблюдал за ними. Казалось, он не обижен и не удивлен. Когда Артур наконец пришел в себя, то увидел, что странный взгляд Хаддо устремлен на него.

– Ваш смех напоминает мне треск горящего под котлом хвороста, – сказал он. И хотя по-прежнему не сводил с Артура глаз, губы его скривились в недоброй саркастической улыбке. – Даже глупцу ясно, что человек в силах управлять элементарными существами, если он лишен чувства страха. Иначе он никогда не сумеет повелевать ни сильфидами, ни переменчивыми ундинами.

Артур с изумлением уставился на него. Он ничего не понял из того, что сказал Хаддо. А тот продолжал, не обращая на Бардона внимания:

– Если адепт активен, гибок и силен, он будет владеть миром. Он пробьется сквозь все штормы, и ни одна капля дождя не посмеет упасть на его голову. Он пройдет сквозь огонь и не сгорит в нем.

Доктор Поро отважно решился немного разъяснить присутствующим эти загадочные фразы.

– Дамы не знакомы с таинственными явлениями, о которых вы говорили, – обратился он к Хаддо. – Откуда им знать, дорогой друг, что в Средние века люди считали: мир состоит из четырех элементов, наделенных разумом, но обычно невидимых, одни – дружественные человеку, другие – враждебные. Полагали, что подобно человеку, сотворенному Богом и наделенному им божественной искрой, все эти сильфиды, ундины, гномы, саламандры благодаря связи с человеком получают частицу его бессмертной души. Многие из существ, принадлежавших к женскому роду и обладавших сверхчеловеческой красотой, обретали даже человеческую душу, полюбив кого-нибудь из людей. Но случалось и наоборот, и часто влюбленный юноша утрачивал свою бессмертную душу, променяв общество подруг на бесконечную погоню за прекрасными, но бездушными обительницами звенящих ручьев или лесных чащоб.

– А я и не подозревал, что вы способны столь образно толковать всякие таинственные предметы, – повернулся Артур к Оливеру Хаддо.

Тот пожал плечами:

– Что есть мир, как не образ? Жизнь ведь не более чем символ.

– Признаться, я теряюсь, когда начинают рассуждать о магии и мистицизме.

– Однако магия – не более чем искусство сознательно использовать невидимые средства, дабы произвести реальные эффекты. Воля, любовь и воображение – суть магические силы, которыми обладает каждый; но лишь тот, кто знает, как развить их, может считаться магом.

– Не могли бы вы сказать нам, какими же возможностями обладает адепт этого искусства?

– Они перечислены в одном манускрипте XVI века, написанном на древнееврейском языке. Манускрипт хранится у меня. Там сказано: тот, кто держит в правой руке ключи Соломона, а в левой – Ветвь Цветущего Миндаля, обладает сверхъестественной властью. Он безнаказанно лицезреет Бога и беседует с Семью Джиннами, которые командуют небесным воинством. Он не подвержен несчастьям и страху. Он правит Небом, и Ад служит ему. Он знает секрет воскрешения из мертвых и владеет ключом к бессмертию.

– Если вы обладаете хотя бы малой долей этих возможностей, то наверняка должны были многого достичь, – заметил Артур с иронией.

– Люди любят высмеивать то, чего не понимают, – пожал Хаддо массивными плечами.

Артур смолчал. Теперь он с любопытством смотрел на Хаддо и спрашивал себя, всерьез ли тот верит всей этой галиматее или в душе смеется над ней. Говорил он серьезно, но губы кривились в усмешке, а в глазах мелькала улыбка, как бы опровергающая его слова. Сюзи все это очень забавляло. Она с большим любопытством слушала, как в этой обыденной таверне с пафосом обсуждались оккультные явления.

Доктор Поро нарушил молчание:

– Араго⁴, именем которого назван соседний бульвар, как-то заметил: сомнение есть доказательство скромности, оно не препятствует прогрессу науки. Но этого нельзя сказать о недоверчивости, и тем, кто употребляет слово «невозможно» вне области чистой математики, не хватает благоразумия.

– Похоже, вы сами верите в магию, дорогой доктор, – заметила мисс Бойд.

– В юности я ничему не верил, так как наука научила меня не доверять даже пяти моим органам чувств, – ответил Поро, пожав плечами. – Но мне встречалось на Востоке много такого, что никак нельзя объяснить с позиций современной науки. Мистер Хаддо сообщил

⁴ Доминик Франсуа Араго (1786–1853) – французский физик и астроном.

вам одно из определений магии, я дам другое. Она может быть объяснена просто как высоко-разумное использование сил, неизвестных, презируемых или неправильно толкуемых чернью. Юноша, попадающий на Восток, сначала насмехается над чуть ли не всеобщей верой в магию, но когда он проведет среди туземцев несколько лет, то невольно начинает разделять мнение многих разумных людей, считающих, что в этом что-то есть.

Артур Бардон сделал нетерпеливый жест:

– Сколько бы я ни прожил на Востоке, не могу представить себе, что вдруг поверю чему-то противоречащему законам науки. Если бы в том, что утверждает мистер Хаддо, было хоть слово истины, люди не сумели бы создать научную теорию мироздания.

– Для человека ученого вы рассуждаете слишком узко и самонадеянно, – ледяным тоном парировал Хаддо. – Вам следовало бы знать, что наука, занимаясь только общими понятиями, оставляет вне поля зрения отдельные случаи, противоречащие огромному количеству частных. Иногда сердце находится у пациента справа, но из-за этого вы же не станете всем прикладывать свой стетоскоп не туда, куда обычно. Возможно, что при некоторых условиях закон всемирного тяготения не действует, однако вы будете жить по-прежнему в убеждении, что он действует неизменно. Но поверьте, некоторые предпочитают иметь дело только с исключениями из общего правила. Неумный человек, играя в Монте-Карло, делает ставки на цвета. Обычно выпадает черный или красный; однако время от времени появляется zero, и незадачливый игрок проигрывает. Но те, кто всегда ставит на zero, выигрывают многократно. Да-да. Встречаются люди, чье воображение поднимает их над банальностью. Они согласны рискнуть всем, если только у них есть шанс получить огромный выигрыш. Разве не имеет значения не только знание будущего, как знали его пророки древности, но и возможность самим создавать его, врываться во врата неведомого?

Внезапно невозмутимость, с которой он говорил до сих пор, испарилась. Глаза озарились каким-то потусторонним светом, голос стал хриплым. Теперь слушатели по крайней мере убедились, что Хаддо не шутит.

– Как бы то ни было, но я в восторге от того, что встретила мага! – весело воскликнула Сюзи.

– Не называйте меня так, – сказал Хаддо, взмахнув своими полными руками и возвращаясь к прежней напыщенности. – Я скорее известен как Брат Тени.

– Трудно вообразить, что вы родственник чего-то столь нематериального, – со смехом вернул Артур.

Лицо Оливера побагровело от гнева. Его странные голубые глаза сделались ледяными от ненависти, и он выпятил свои яркие толстые губы. Острота, намекавшая на телесную тучность, задела его за живое. Сюзи испугалась, что он оскорбительно ответит Артуру и начнется неизбежная ссора.

– Мне кажется, что, если мы собираемся успеть на ярмарку, нам следует поторопиться, – вмешалась она. – И Мари мечтает избавиться от нас.

Все встали и двинулись к выходу.

Глава 4

Они вышли на узкую шумную улочку, ведущую к бульвару Монпарнас. По рельсам грохотали трамваи, а по тротуарам валом валил народ. До ярмарки в Лион де Белфор, куда они направлялись, было не больше мили, но Артур остановил фиакр. Сюзи сказала кучеру, куда везти. Она обратила внимание, что Хаддо, дожидавшийся их отъезда, положил ладонь на шею лошади. И вдруг, непонятно почему, лошадь задрожала. Животное тряслось как в лихорадке. Кучер соскочил с козел и, чтобы успокоить беднягу, обхватил руками ее морду. Маргарет и Сюзи выбрались из экипажа. Зрелище было жутким и внушающим жалость. Казалось, кобыла страдала не от боли, а от непонятного страха. У Сюзи невольно вырвалось:

– Уберите руку, мистер Хаддо!

Хаддо улыбнулся и убрал руку. В тот же момент старая извозчицья кляча перестала дрожать и через минуту пришла в свое обычное состояние. Она казалась еще немного испуганной, но в остальном вела себя нормально.

– Интересно, что это с ней приключилось? – спросил Артур.

Брат Тени посмотрел на него холодным взглядом, который как бы пронизывал насквозь, и, приподняв шляпу, удалился. Сюзи повернулась к доктору Поро:

– Не кажется ли вам, что это он заставил лошадь дрожать? Ведь затряслась она, как только он положил руку ей на шею, и успокоилась, как только убрал ее.

– Глупости! – воскликнул Артур.

– И мне пришло в голову, что он проделал какой-то трюк, – задумчиво произнес доктор Поро, когда они пешком двинулись к ярмарке. – Подобная странность уже случилась однажды, когда он пришел ко мне в гости. У меня живут две персидские кошки, отличающиеся безупречным поведением. Они проводят свои дни у камина, размышляя над проблемами метафизики. Но как только он вошел, шерсть у них встала дыбом, обе вскочили и начали бешено метаться из угла в угол, словно охваченные паническим страхом. Я открыл дверь, и они вылетели из комнаты. Так я и не смог понять, что с ними произошло.

Маргарет передернуло.

– Никогда не встречала человека, который внушал бы мне большее отвращение, – сказала она. – Не знаю, что в нем так пугает, но даже сейчас еще чувствую на себе его взгляд. Надеюсь, что мне больше никогда не доведется столкнуться с ним.

Артур усмехнулся и пожал ей руку. Она задержала его пальцы в своих, и он почувствовал, что девушка дрожит. Лично у него не было никаких сомнений: либо Хаддо верит тому, во что может верить только ненормальный, либо он шарлатан, старающийся привлечь к себе внимание экстравагантностью. В любом случае он заслуживает презрения. Абсолютно ясно, что ни он, ни кто другой не может творить чудеса.

– Вот что я сделаю, – сказал Артур. – Если Фрэнк Харрел действительно учился с ним, я у него кое-что выведаю. Напишу и попрошу сообщить мне все, что он о нем знает.

– Обязательно напишите, – кивнула Сюзи, – поскольку мистер Хаддо меня заинтриговал. Рано или поздно сталкиваешься с людьми, которые во все верят. Нет такого вида религии, эксцентричности или гнусности, которые не имели бы своих поклонников. Только представьте себе, как интересно в XX веке встретиться с индивидуумом, который искренне верит в магию.

– С тех пор как я заинтересовался этими вопросами, мне не раз доводилось сталкиваться с весьма странными субъектами, – задумчиво начал Поро. – И я согласен с мисс Бойд: Оливер самый удивительный среди них. Невозможно понять, насколько он сам верит в то, что утверждает. Кто он – мошенник или безумец? Обманывает себя или смеется исподтишка над теми, кто принимает его всерьез? Не знаю. Мне известно лишь то, что он много путешествовал, владеет большим количеством языков и обширными сведениями в области литературы

по оккультизму. По-моему, нет такой книги по черной магии, с которой он не был бы знаком. Понимаю, что рассержу этим моего друга Артура, но вынужден констатировать, что не слишком удивился бы, услышав, что Хаддо обладает способностью творить чудеса.

Они уже прибыли в Лион де Белфор, и Артур не успел ответить. Ярмарка была в полном разгаре. Стоял оглушительный шум. Уличные музыканты старались изо всех сил; под аккомпанемент популярных мелодий, исполняемых ими, вертелись веселые карусели. У входа в балаганы люди в яркой одежде громко зазывали посетителей. Из тиров доносился непрерывный ружейный грохот. Эти звуки тонули в выкриках и смехе огромной толпы, валившей по центральной аллее, в топоте и шарканье ее бесчисленных ног.

Темноту ночи прорезал мертвенно-бледный свет газовых фонарей, издававших непрерывное монотонное потрескивание. В целом зрелище было полужалким-полувеселым, но любопытным. Казалось, люди, утомленные скучным кругом повседневных забот, с остервенением набрасывались на всевозможные аттракционы, делая отчаянные усилия, чтобы развлечься.

Едва группка несколько иронично настроенных англичан во главе с доктором Поро вступила на ярмарку, как к ним подошел Оливер Хаддо. Ему было безразлично, что они явно не рады его обществу. Хаддо привлекал всеобщее внимание своим экстравагантным видом и манерами. Сюзи отметила про себя: мистер Хаддо получает удовольствие от того, что люди указывают на него друг другу. Через плечо он перебросил бархатной подкладкой наружу свой плащ – что-то вроде латиноамериканского пончо; голову его украшало широкополое сомбреро. Несмотря на большой рост, он не казался слишком высоким из-за своей полноты, и именно ею выделялся из толпы тщедушных людей.

Они бродили по ярмарке, избегая мелодраматические представления и обходя стороной цирки-шапито и эксцентричные шоу, куда громогласно зазывали публику. Вскоре они подошли к человеку, вырезавшему силуэты из черной бумаги, и Хаддо захотел ему позировать. Столпились зеваки, не скупившиеся на шутки по поводу его необычной внешности. Мистер Хаддо принял свойственный ему надменный вид повелителя. Маргарет предложила воспользоваться тем, что он занят, и скрыться, но мисс Бойд не согласилась уйти.

– Он самый удивительный человек из тех, кого я встречала, – прошептала она. – Я ни за что не хочу потерять его из виду.

Когда силуэт был готов, Хаддо решил отдать его Маргарет.

– Прошу вас принять единственный имеющийся портрет Оливера Хаддо, – с галантным поклоном произнес он.

– Благодарю вас, – холодно ответила она.

Портрет был ей ни к чему, но она не знала, как отделаться от подарка шуткой, а быть грубой не хотелось. Оливер бережно вложил свой черный профиль в конверт и вручил его мисс Донси, не сомневаясь, что оказывает ей большую честь. Они пошли дальше и вскоре очутились возле балагана, на вывеске перед которым красовалось восточное имя. На парусине грубыми мазками были нарисованы зачарованные змеи, а над ними – какие-то слова арабской вязью. У входа, скрестив ноги, сидел араб и апатично постукивал по барабану. Увидев их группу, он обратился к ним на плохом французском языке, приглашая войти.

– Не напоминает ли вам это мутный Нил, доктор Поро? – спросил Хаддо. – Зайдем глянем, что этот малый хочет нам показать.

Доктор Поро обратился к заклинателю по-арабски. Тот просиял, услышав родной язык.

– Он египтянин из Асьюта, – сказал доктор.

– Плачú я, – заявил Хаддо.

Он откинул брезент, закрывавший вход. Доктор Поро и Сюзи вошли, следом за ними без особой охоты двинулись Маргарет и Артур Бардон. Араб опустил брезент. Они очутились в грязной маленькой палатке, освещенной двумя тусклыми лампами, с десятком стульев, стоя-

щих прямо на земле. В одном из углов неподвижно сидела женщина в какой-то бесформенной хламиде. Из-под грязной накидки, удерживаемой на голове причудливым украшением посередине лба, были видны только глаза, длинные темные ресницы насурьмлены, пальцы рук ярко окрашены хной. Когда вошли посетители, араб протянул ей барабан, женщина провела по нему дрожащими пальцами, извлекая протяжную, монотонную мелодию. Загадочную, нездешнюю.

В палатке стоял специфический запах, на минуту перенесший доктора Поро на зловонные улочки Каира – едкая смесь ароматов ладана, розового масла и какой-то отвратительной плесени. Вошедшим стало трудно дышать, и Сюзи попросила у мужчин сигарету. Услышав английскую речь, хозяин обнажил в улыбке блестящие ровные зубы.

– Мое имя Мохаммед, – сказал он. – Моя показывала змей лорду Китчнеру. Подойдите и посмотрите. Змеи очень ядовитые.

На его плечах висело длинное синее гуляби, более подходящее для солнечных берегов Нила, чем для ярмарок в Париже. Былой цвет его одеяния с трудом угадывался под слоем грязи. На голове – турецкая феска.

В другом углу палатки что-то было прикрыто ковриком. Араб извлек из-под него мешок из овчины, положил его на землю посередине круга, образованного стульями, и встал на корточки. Маргарет вздрогнула, увидев, что мешок странно зашевелился. Хозяин развязал его. Женщина продолжала бить по барабану, иногда издавая нечленораздельные звуки. Блеснув зубами в улыбке, араб сунул в мешок руку и стал рыться там, будто собираясь набрать в горсть пшеницы. Он вытащил длинную извивающуюся змею. Положив перед собой и немного помедлив, провел над ней рукой. Змея сразу неподвижно застыла. Если бы не злобно горящие в полумраке глазки, ее можно было бы принять за каменное изваяние.

– Заметьте, – сказал Хаддо, – это именно то чудо, которое Моисей сотворил перед фараоном.

Араб достал тростниковую дудочку, похожую на свирель козлоногого бога Пана, мелодия которой некогда сопровождала танцы дриад на холмах Греции, и стал насвистывать странный протяжный мотив. Внезапно змея очнулась от оцепенения, вздернула головку, и ее свернувшееся в кольца длинное тело начало приподниматься, пока не вытянулось вверх, опираясь лишь на хвост. Тогда пресмыкающееся принялось ритмично раскачиваться из стороны в сторону.

Оливер Хаддо как зачарованный следил за происходящим. Он подошел ближе и впился глазами в заклинателя. Маргарет же в ужасе отшатнулась.

– Не бойся, – шепнул Артур. – Эти люди работают только с теми змеями, у которых удалены ядовитые зубы.

Оливер Хаддо обернулся и пристально взгляделся в него. Казалось, он изучал Артура.

– Этот человек может заклинать змей, потому что не прибегает ни к каким ухищрениям и лекарствам. Он и так защищен от самых опасных змеиных ядов.

– Вы так считаете? – спросил Артур.

– Мне довелось присутствовать при гибели самого знаменитого заклинателя змей из Мадраса. Он умер через два часа после того, как его укусила кобра, – ответил Оливер. – Ходило много рассказов о его храбрости; я как-то попросил одного моего друга познакомить меня с ним. Когда мы пришли, его не было дома. Решили подождать, и вскоре появился он с несколькими приятелями. Мы сказали, что хотелось бы увидеть его манипуляции со змеями. Он вернулся со свадьбы, был пьян, но согласился, послал за змеями и продемонстрировал нам чудеса, о которых наш араб никогда и не слыхивал. Под конец он достал из своего мешка большую кобру и начал играть с ней. Вдруг она метнулась к его подбородку и оставила там две метки, похожие на булавоочные уколы. Чародей отпрянул. «Я конченный человек», – прошептал он. Присутствовавшие хотели убить кобру, но несчастный остановил их. «Пусть живет, – махнул он рукой. – Она сможет служить другим людям моей профессии, хотя мне больше не нужна. Ничто не может меня спасти». Его друзья и другие заклинатели собрались вокруг него

и помогли сесть в кресло. Через два часа он умер. В сильном опьянении он забыл произнести некоторые заклинания, и это погубило его.

– Вы владеете великолепной коллекцией небылиц, – усмехнулся Артур. – Но мне все же хотелось бы иметь более убедительные доказательства того, насколько ядовиты именно эти твари.

Оливер повернулся к заклинателю и о чем-то перемолвился с ним по-арабски. Потом ответил Артуру:

– У этого человека есть рогатая змея, которую вы, ученые мужи, знаете под именем Cerastes. Это самая ядовитая из всех египетских змей. Обычно ее называют «Аспид Клеопатры», поскольку именно такая змея была прислана любовнице Цезаря в корзине с винными ягодами, чтобы Клеопатра не смогла увидеть триумфа Августа.

– Что вы собираетесь делать? – спросила Сюзи.

Хаддо улыбнулся и не ответил. Войдя в центр круга, он опустился на колени и пробормотал несколько арабских слов, которые доктор Поро тут же перевел:

– О змея, я заклинаю тебя великим, всемогущим Богом, появись. Ты лишь змея, а Бог могущественнее всех змей. Подчинись моему приказу и появись.

Что-то зашевелилось в мешке из овчины, и через мгновение оттуда высунулась голова, а затем, извиваясь, выползло и гибкое тело гада. Змея была светло-серого цвета, над глазами возвышался рог. Она свернулась в клубок.

– Узнаете? – обратился Оливер к доктору.

– Узнаю.

Заклинатель не шевелился. Женщина, сидевшая в полумраке дальнего угла, перестала барабанить. Хаддо схватил змею и открыл ей пасть. Мелькнули ядовитые клыки, и челюсти сомкнулись на обнаженной руке. Артур напряженно ожидал вскрика боли, но Хаддо даже не поморщился. Змея, извиваясь, болталась на его руке. Он произнес арабское заклинание. И вдруг, как капля воды с крыши, змея упала на землю. Брызнула кровь. Хаддо трижды поплевал на кровоточащую ранку, пробормотав несколько слов, которые его спутники не могли расслышать, и трижды коснулся следа от укуса пальцами. Кровотечение прекратилось. Он протянул Артуру руку.

– Перед вами то, что в медицине называется первой стадией заживления раны, – сказал он.

Бардон был поражен, но Хаддо действовал ему на нервы, и Артур не желал признать, что в остановке кровотечения было что-то чудесное.

– Вы еще не доказали, что змея ядовита.

– Я ведь пока не закончил, – улыбнулся Хаддо.

Он опять повернулся к арабу, и тот что-то приказал женщине. Не произнеся ни слова, она вытащила из стоявшего неподалеку ящика белого кролика, подняла его за уши, и тот задрожал лапами. Хаддо положил его перед змеей. Прежде чем кто-либо успел шевельнуться, змея метнулась вперед как молния и ужалила кролика. Бедный зверек коротко вскрикнул, по его тельцу прошла волна судороги, и он упал замертво.

Маргарет с воплем вскочила на ноги.

– О, как жестоко! Как отвратительно жестоко!

– Ну, теперь вы убедились? – холодно спросил Хаддо. Женщины поспешили к выходу. Им было страшно и противно. Оливер Хаддо остался один на один с заклинателем.

Глава 5

Доктор Поро пригласил Артура прийти в воскресенье с Маргарет и мисс Бойд. Он жил на острове Сен-Луи, и влюбленные решили по дороге к доктору заглянуть на часок-другой в Лувр. Сюзи, которой они предложили сопровождать их, предпочла явиться в гости самостоятельно.

Чтобы избежать толп, осаждавших в воскресные дни картинные галереи, Бардон и его невеста пошли в ту часть Лувра, где находились античные скульптуры. Здесь было сравнительно малоллюдно, в длинных залах царила та умиротворяющая атмосфера, которая бывает там, где собраны произведения искусств. Маргарет испытывала какое-то новое для себя чувство, и хотя не могла проанализировать его, как сделала бы это Сюзи, любившая предаваться рефлексии, оно странным образом возбуждало ее. Она как бы возвысилась над суетностью, была охвачена ощущением свободы, столь же восхитительным, сколь и не поддающимся анализу.

Артур раньше не интересовался искусством, но увлеченность Маргарет открыла ему, что существует такая сторона жизни, о какой он и не подозревал. Хотя прекрасное мало что говорило его рациональной натуре, любя Маргарет, он хотел понять, что же так восхищает ее в творениях художников, доводя порой до упоительного экстаза. Поэтому покорно брел за ней, внимательно и уважительно выслушивая ее восторженные высказывания. У греков ему нравилось безупречное знание анатомии. Один из мраморных атлетов надолго привлек внимание хирурга, поскольку мускулатура его была воспроизведена скульптором с такой же точностью, как на иллюстрациях в учебнике хирургии. Когда Маргарет говорила о божественном спокойствии греков, об их радостном жизнелюбии, он поражался ее уму, хотя, услышав такие рассуждения от мужчины, почувствовал бы раздражение.

Однако одна статуя, прелестная статуя, известная как изображение Дианы Габийской, особенно ему понравилась. Он предложил постоять возле нее подольше. Маргарет со смехом возражала, но в душе была рада. Она поняла, что его интерес к Диане вызван не красотой скульптуры, а сходством, которое Артур находил между богиней и ею самой.

Диана Габийская стояла в широкой светлой галерее рядом со смеющимся юным фавном и бюстом слепого старца Гомера. В богине не чувствовалось ни высокомерия охотницы, возлюбленной Эндимиона, ни величия владычицы небес. Она выглядела как девушка в расцвете красоты, спокойно придерживающая рукой свою тунику. В ее облике не ощущалось ничего божественного, кроме удивительной одухотворенности и хрупкой девственности. Влюбленный юноша в Древней Греции, приносивший жертву перед этой прекрасной статуей, должно быть, забывал, что поклоняется богине, а видел в ней только земную невинную девушку, блистающую молодостью и красотой.

В глазах Артура Маргарет тоже обладала утонченной грацией богини и тем же безмятежным спокойствием, в ней так же все дышало чистотой и невинностью. Черты лица мисс Донси отличались тем же божественным совершенством, что и у греческой статуи. Кожа девушки была гладка, как белый мрамор, цвет же ее напоминал ласкающие взор краски заката, нежные лепестки чайной розы и глубину морских бездн. Рука богини покоилась на плече, и Артур заметил, что рука Маргарет так же миниатюрна, изящна и бела.

— Какой же ты глупый! — засмеялась девушка, видя, что молодой человек молча посматривает то на нее, то на статую.

Бардон медленно поднял глаза, и она увидела, что их заволочло слезами.

— Что с тобой?

— Мне бы хотелось, чтобы ты не была так прекрасна, — ответил он запинаясь, словно ему трудно было произносить эти странные слова. — Я так боюсь — вдруг что-нибудь случится и помешает нам быть счастливыми. Мне слишком хорошо, чтобы это могло продолжаться долго.

Маргарет хватило воображения, чтобы понять, как нелегко такому рассудительному человеку, как он, выразить свои чувства. Любовь к ней изменила его характер, и, хотя он ничего не мог с собой поделать, все в нем восставало против влияния, которое она на него оказывала. Маргарет не нашла с ответом и просто взяла его за руку.

– Мне всегда везло, – как бы самому себе сказал он. – Когда я чего-то сильно желал, то обычно получал это. И не вижу, почему теперь должно быть иначе.

Он постарался успокоиться, не придавать значения инстинктивному предчувствию беды, взять себя в руки.

– Глупо быть таким мнительным, – пробормотал он.

Маргарет засмеялась. Они покинули галерею, свернули на набережную, перешли мост и направились вдоль реки к дому доктора Поро.

Тем временем Сюзи спустилась по бульвару Сен-Мишель, заполненному воскресной толпой, к той части Парижа, которая была особенно дорога ее сердцу. Остров Сен-Луи был для нее воплощением духа Франции, он нравился ей куда больше нарядных бульваров, которые так любимы англичанами. Названный в честь Святого Людовика один из островов Сены обладал особым очарованием. Узкие улочки со множеством уютных кафе походили на улицы провинциального городка. Их причудливость давала пищу воображению, от них веяло тишиной и покоем. Названия улиц напоминали о монархии, погибшей в крови и рисовой пудре. Даже плантаны выглядели здесь более важно, будто сознавали, что растут в той части Парижа, которую еще не захватил научно-технический прогресс. За мутными водами Сены виднелись башни-близнецы собора Парижской Богоматери. Сюзи готова была целовать камни набережной. Ее доброе некрасивое лицо оживилось, когда она любовалась открывшейся панорамой. Память подсказывала литературных героев и исторические события, связанные с этим местом Парижа, и она не без сожаления повернулась и вошла в дом, где квартировал доктор Поро.

Она с удовольствием отметила, что подъезд его дома точь-в-точь такой, каким она его себе и представляла. Миновала консьержку, поднялась по темной широкой лестнице и позвонила в колокольчик, висящий на одной из дверей. Открыл сам доктор Поро.

– Артур и мадемуазель уже здесь, – сказал он, пропуская ее в прихожую.

Они пересекли чопорную французскую гостиную, загроможденную мебелью, с тяжелыми красными шторами на окнах, и вошли в библиотеку. Это была просторная комната, но книжные шкафы, выстроившиеся вдоль стен, и массивный письменный стол, заваленный книгами, изрядно уменьшали ее площадь. Книги занимали все вокруг. Они лежали на полу, громоздились на стульях, так что свободного места почти не оставалось. Сюзи восхищенно охнула.

– Пожалуйста, не отвлекайте меня разговорами. Хочу разглядеть ваши книги.

– Вы не могли бы доставить мне большего удовольствия, – улыбнулся хозяин. – Однако боюсь, моя библиотека вас разочарует. Хотя эти книги посвящены различным вопросам, но я не уверен, что они смогут заинтересовать молодую английскую леди.

Поро пошарил глазами по письменному столу, отыскал пачку сигарет. Предложил гостям закурить. Сюзи находила очаровательным запах книг, отдающий странной затхлостью. И прежде всего принялась рассматривать переплеты. Некоторые книги были в мягких обложках, многие еще вполне в хорошем состоянии, но большая часть – с порывевшими, тронутыми временем корешками. Они заполняли полки без какой-либо связи или системы. Здесь было немало и просто старинных книг в переплетах из овечьей или свиной кожи, очень высоко ценившихся у букинистов Европы; стояли и огромные, вроде прусских гренадеров, фолианты и крошечные эльзевиры, популярные в свое время у патрицианских дам Венеции. Точно так же, как, наверное, Артур казался совсем другим человеком в операционной, Поро преобразился среди своего книжного собрания. Доктор сохранял добродушную безмятежность, делавшую

его столь привлекательным, но его манеры обрели забавную важность, странно контрастирующую с его обычным добродушием.

– Перед вашим приходом я рассказывал этим молодым людям о древнем Коране, подаренном мне в Александрии неким ученым мужем, которого я оперировал по поводу катаракты. – Поро указал на четко выполненную арабской вязью книгу с золотым тиснением на корешке переплета. – Знаете, приобрести там непосвященному священную книгу почти невозможно, а это особенно редкий экземпляр, так как был переписан Каитом-беем, величайшим из мамлюкских султанов.

Он бережно перелистывал тонкие листы, с той осторожностью, с какой любитель цветов дотрагивается до лепестков роз.

– И много у вас литературы по оккультным наукам? – спросила Сюзи.

Доктор Поро улыбнулся:

– Смею думать, что ни одна частная библиотека не владеет такой полной коллекцией. Но я не решаюсь показать ее вам в присутствии нашего друга. Артур слишком вежлив, чтобы обвинить меня в глупости, но его выдавала бы саркастическая улыбка.

Сюзи подошла к полкам, на которые он указал, и с особым интересом стала разглядывать таинственные книги, пытаясь прочесть названия. Ей показалось, что она вступает в неведомую ей область романтики. Мисс Бойд чувствовала себя отважной принцессой, заблудившейся в огромном, с голыми деревьями, лесу, полном мистического молчания, где можно столкнуться с бледными потусторонними тенями.

– В свое время я собирался писать книгу о жизни фантастического и необыкновенного создания – Филиппа Ауреуса Теофрастуса Парацельса Бомбастуса фон Гогенхейма, – сказал доктор Поро, – и приобрел многие его работы.

Он снял с полки миниатюрный томик, изданный в XVII веке, с непонятными иллюстрациями и изображением каббалистических знаков. От страниц исходил тот же своеобразный затхлый запах. На них были ржавые пятна.

– А вот одно из самых главных моих сокровищ: «Соломонов ключ». Есть основания предполагать, что мой экземпляр идентичен копии «Ключа», принадлежавшей ранее величайшему авантюристу XVIII века Джакомо Казанове. Обратите внимание: с титульного листа соскоблили имя владельца, но оставшихся следов достаточно, чтобы разобрать буквы, а они в точности соответствуют подписи Казановы, которую я обнаружил в Национальной библиотеке. В своих мемуарах он пишет, что «Соломонов ключ» был у него конфискован, когда его арестовали в Венеции за занятия черной магией. Именно эту книгу я и приобрел в Венеции, когда возвращался в Александрию после одного из моих путешествий.

Он поставил на место драгоценный том и снял с полки толстый фолиант, обернутый пергаментом:

– Чуть было не забыл продемонстрировать вам наиболее удивительную, наиболее таинственную из всех книг по оккультизму. Вы, конечно, слышали о Каббале. Боюсь, правда, для вас это не более чем таинственное название.

– Я действительно ничего о ней не знаю, – рассмеялась Сюзи. – Кроме того, что все это очень романтично, необыкновенно и удивительно.

– В таком случае вот ее история. Моисей, обучившийся всей египетской премудрости, впервые прошел посвящение в каббалистику на родине, но совершенствовался в ней во время долгих скитаний по пустыне с израильтянами. Здесь в течение сорока лет он не только уделял все часы своего досуга этой мистической науке, но и получал уроки Каббалы у услужливого ангела. С помощью каббалистики он сумел преодолеть трудности, возникшие у него во время этих скитаний, а также войн и невзгод, выпавших на долю этого непокорного народа. Втайне ото всех Моисей изложил принципы этого учения в первых четырех частях Пятикнижия. Он посвятил в секреты магии также семьдесят старцев, которые передавали их потомкам из уст в

уста. Давид и Соломон наиболее глубоко проникли в тайны Каббалы. Однако никто не осмеливался записать их, пока ребе Симон бен Иохай, живший в те времена, когда был разрушен Иерусалимский храм, не собрал всех преданий; после же его смерти его сын, ребе Элеазар, вместе с секретарем, ребе Абба, составил из них знаменитый трактат «Зогар».

– И вы верите во всю эту чудовищную чепуху? – спросил Артур.

– Ничуть, – ответил доктор Поро с улыбкой. – Установлено, что «Зогар» имеет куда более позднее происхождение. Он был сочинен испанским евреем Мозесом де Леоном в 1291 году и записан его собственной рукой.

Артур рассмеялся и встал, чтобы размять затекшие ноги.

– Не могу понять, насколько вы сами верите тому, что рассказываете нам. Говорите вы с такой серьезностью, что невольно начинаешь вам верить, а потом оказывается, что вы просто потешаетесь над нами.

– Дорогой мой, я и сам не знаю, насколько верю всему этому, – пожал плечами доктор.

– Возможно, именно по этой причине мистер Хаддо представляет для нас загадку, – вмешалась Сюзи.

– Да, здесь мы на самом деле столкнулись с очень интересным феноменом, – подхватил доктор. – Уверяю вас, что, хотя мы знакомы достаточно долго, я никогда не мог понять, действительно ли он убежден, что обладает теми удивительными способностями, которые себе приписывает, или просто искусно разыгрывает слушателей.

– Но ведь вчера вечером мы действительно были свидетелями не совсем обычного явления, – перебила Сюзи. – Почему укус кобры не подействовал на него, хотя мгновенно убил кролика? И как вы объясните внезапную дрожь той лошади, мистер Бардон?

– Я не могу объяснить этого, – раздраженно ответил Артур, – но и не склонен приписывать сверхъестественной силе то, чего не могу понять в данный момент.

– Не знаю, но что-то в нем внушает мне ужас, – призналась Маргарет. – Я никогда не испытывала такой внезапной антипатии.

Она была слишком сдержанна, чтобы поведать обо всех своих ощущениях, но поведение и слова Хаддо произвели на нее очень сильное впечатление. Ночью ее сон неоднократно прерывался кошмарами, где присутствовал странный и фантастический образ Хаддо. Насмешливый голос Хаддо звучал в ее ушах, Маргарет как будто силилась вновь увидеть огромное тело и мрачное чувственное лицо. Словно злой дух встал на ее пути, душа была переполнена непонятной тревогой. Только вера в здравый смысл Артура спасала девушку от вселившегося в нее страха.

– Я написал Фрэнку Харрелу и попросил его сообщить мне все, что он знает о Хаддо, – сказал Артур. – Надеюсь вскоре получить ответ.

– Лучше бы нам с ним никогда не встречаться! – страстно воскликнула Маргарет. – Чувствую, что он принесет нам несчастье.

– Вы все относитесь к нему с предубеждением, – весело заявила Сюзи. – Меня же он заинтриговал, и я хочу пригласить его на чашку чаю в нашу студию.

– Буду счастлив воспользоваться вашим приглашением.

Маргарет вскрикнула, так как узнала низкий насмешливый голос Оливера Хаддо; она мгновенно отвернулась. Он застал их врасплох – никто не слышал, как он вошел. И теперь думали: сколько времени он уже находился в комнате и что мог услышать из их разговора.

– Как вы сюда попали? – спросила Сюзи, первой пришедшая в себя.

– Ни один порядочный маг не позволит себе настолько пренебречь утонченным воспитанием, чтобы явиться через дверь, – ответил он все с той же озадачивающей улыбкой. – Вы все стояли возле окна, и я подумал, что испугаю вас, если изберу этот путь проникновения в комнату, поэтому я очень осторожно спустился вниз по каминной трубе.

– У вас на левом рукаве немного сажи, – поддержала шутку Сюзи. – Надеюсь, вы не обожглись.

– Нисколько, благодарю вас, – ответил он, сохраняя серьезную мину и отряхивая пальто.

– Каким бы образом вы ни вошли, добро пожаловать, – улыбнулся доктор Поро, протягивая ему руку.

Но Артур резко повернулся к хозяину:

– Хотел бы я знать, что заставило вас обратиться к этим наукам? Мне казалось, что ваша медицинская профессия защищает вас от интереса ко всяческим суевериям.

Поро пожал плечами:

– Когда-то я прочел много философских и других научных трудов и понял, что ничего неоспоримого нет. Некоторые под впечатлением достижений науки считают человека всемогущим, но я имел время убедиться в ограниченности его возможностей. С самого начала цивилизации перед человеком стояли проблемы всего сущего, но он и теперь так же далек от их решения, как и прежде. Полагаю, мы навсегда останемся невеждами во многих вопросах, в которых нам следует разбираться, и поэтому не хочу посвящать себя их изучению. Предпочитаю забыть о них и, поскольку истину познать невозможно, заниматься только пустяками.

– Я не согласен с вашей точкой зрения, – заявил Артур.

– Но я не уверен, что то, чем я хочу заниматься, – такие уж пустяки, – задумчиво продолжал француз. Он взглянул на Артура с иронией. – Надеюсь, вы не думаете, что я вынужден вводить вас в заблуждение, хотя и обещал говорить правду?

– Конечно, нет.

– Тогда позволю себе рассказать об одном случае, который приключился со мной в Александрии. Насколько я могу судить, его нельзя объяснить ни одним из законов, известных науке. Только прошу не считать, что я умышленно вас обманываю.

И он заговорил тоном, не оставлявшим сомнений в достоверности его слов. Даже Артуру стало ясно, что доктор описывал все так, как было.

– Я часто слышал о некоем шейхе, который мог с помощью магического зеркала показывать мертвых или пропавших людей, и знакомый араб нередко уговаривал меня прийти посмотреть на него. Я же считал это неинтересным. Но наконец настал момент, когда у меня появилась необходимость обратиться к нему. Моя бедная матушка была старой женщиной, вдовой, и я много недель не получал от нее вестей. Сам часто ей писал, но ответа не приходило. Я очень волновался и решил, что не будет особого вреда, если встречу с тем шейхом: в конце концов, вдруг он обладает способностями, которые ему приписывают. Мой знакомец, работавший переводчиком во французском консульстве, как-то вечером привел его ко мне. Я спросил его, кто вообще обладает способностью видеть в магическом зеркале. Он ответил, что это может быть мальчик, не достигший половой зрелости, девственница, черная рабыня и беременная женщина. Чтобы убедиться в отсутствии сговора, я послал своего слугу к одному близкому другу и попросил, чтобы тот прислал ко мне своего сына. Пока мы ждали, я под руководством мага приготовил ладан, семена кориандра и жаровню с древесным углем. Тем временем шейх писал заклинания на шести листах бумаги. Когда пришел мальчик, колдун бросил ладан и один из листов на жаровню, затем взял правую руку мальчика и начертал на его ладони квадрат и какие-то магические знаки. В центр квадрата он капнул немного черной жидкости, получившейся на жаровне от сгоревшей бумаги и ладана. И велел мальчику, не поднимая головы, внимательно вглядываться в лужицу. Пары ладана заполнили комнату. Колдун стал неразборчиво бормотать арабские слова, а потом обратился к мальчику:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.